

А Д Р Е С Ъ:

Для подписки на газету и
корреспонденции: Троицко-
савскъ, редакціи газ.
«Байкаль».

Для телеграммъ: «Троицко-
савскъ—Байкаль».

Отдѣленія конторы редак-
ціи: Кяхта, у издателя га-
зеты Иннокентія Алек-
сѣевича Лушниковъ.

БАЙКАЛЬ

ВЫХОДИТЬ ВЪ КЯХТѢ

по Воскресеньямъ и Средамъ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои
главныя конторы или правленія во всѣхъ мѣстахъ заграницей и Россійской
имперіи, за исключеніемъ Сибири и Азіатской Россіи, принимаются исклю-
чительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова и его отдѣ-
леніяхъ: въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, 53, въ С.-Петербургѣ, на Морской, 11.

Ц Ъ Н А

съ доставкой и пересылкой

На 1 г. . . . 6 р.

На полгода . . . 4 р.

На 1 мѣсяць . . — 75 к.

Отдѣльный № . — 5 к.

Иногороднія объявленія пе-
чатаются по 15 к. за стро-
ку петита позади текста.
На первой страницѣ цѣна
двойная. Разсылка объявле-
ній на отдѣльныхъ листахъ
по 5 р. за 500 экзем-
пляровъ.

5786/9077

24.327

В. И. Немировичъ-Данченко въ «Русск. Сл.» говоритъ: Что за неудачная идея эти сборные полки! Часть отъ одного, часть отъ другого. Офицеры тоже съ разныхъ сторонъ. Ни они не знаютъ своихъ солдатъ, ни солдаты ихъ. Нѣтъ той боевой сплоченности, взаимнаго довѣрія, которое въ рѣшительную минуту даетъ побѣду и успѣхъ. Жалко смотрѣть на забайкальскія казачьи сотни. Въ мирное время ихъ воспитывали свои, положили на это душу—и вдругъ, какъ только начался для нихъ экзаменъ, сотники—вонъ, войсковые старшины—куда-то въ сторону, и на ихъ мѣсто изъ Петербурга пріѣхали, можетъ-быть, и прекрасные офицеры, но они не понимаютъ своихъ станичниковъ, ни станичники ихъ. У станичниковъ порядки, ничего общаго не имѣющіе ни съ лейбъ-гусарскими, ни съ конногренадерскими. Чтобы часть была блестяща, особенно казачья, нужно съ ней родиться, съ нею вырасти. За такимъ казакъ пойдетъ въ огонь и въ воду. Чудесъ надѣлаетъ! А къ нему присылаютъ непонятнаго для него вачальника, на котораго онъ смотритъ съ недоумѣніемъ. Я помню, какъ одинъ старый сотникъ заплакалъ..

— Ростилъ, ростилъ своихъ... Другой такъ сына не подымаетъ. Думаю, вотъ война,—покажетъ себя моя сотня. И вдругъ присылаютъ вмѣсто меня другого... Что же я, старый боевой офицеръ, вдругъ не годенъ сталъ? Въ китайскую войну мои молодцы со мною орлами были, а теперь, слышу, рассказываютъ—никуда не годятся. Верните мнѣ ее,—да я вамъ покажу, что она сдѣлать можетъ. Только вѣдь нельзя изъ казака-станичника регулярнаго кавалериста дѣлать. Каждому свое.

Я воображаю, что будетъ изъ кавказскаго добровольческаго ополченія. Всѣ эти горные богатыри хотѣли офицеровъ изъ своихъ же, тѣхъ, которые говорятъ на ихъ языкахъ и берегутъ ихъ обычаи. На это не согласились. И имъ назначили превосходныхъ офицеровъ, но такихъ, которые знакомы съ горцемъ только по «Кавказскому плѣннику» и «Хаджи Абреку».

А что бы это была за желѣзная бригада со своими начальниками! Передъ какимъ подвигомъ они могли бы остановиться!

«Новому Вр.» пишутъ изъ Перми: Между доставленными сюда японцами есть одинъ офицеръ, одинъ докторъ, несколько интеллигентныхъ мужчинъ и дамъ. Есть даже одна гейша.

Дѣятельные японцы, осмотрѣвшись, быстро принялись за дѣло. Въ казармахъ открылись маленькія мастерскія рѣзчиковъ по дереву и по металлу, а также картонажныя и сапожныя. Нѣсколько японцевъ пристроились ретушерами въ фотографію. Многие ходили на мѣстные механическіе заводы, но не сошли въ цѣнѣ, запрашивая за свой трудъ плату, вдвое большую существующей.

Недавно часть японцевъ, въ числѣ 100 человѣкъ, отправлена отсюда на жительство въ уѣздный городъ Кунгуръ.

Въ близкомъ будущемъ ожидается прибытіе новой партіи японцевъ въ 400 человѣкъ.

Въ Екатеринбургъ доставлены для размѣщенія 180 человѣкъ японцевъ. Большая часть плѣнныхъ свободно говоритъ по-русски. Вскорѣ по прибытіи многіе изъ нихъ отправляли «открытки» съ

Сцена много унесла здоровья у Чехова.

Такова была его судьба. Все съ большимъ трудомъ давалось этому огромному таланту, которому, казалось бы, все должно было даваться легко.

Послѣ представленія «Чайки» въ Петербургѣ, подѣ свистъ, подѣ шиканье, подѣ дикій ревъ Александринскаго театра, Чеховъ безѣ шапки убѣжалъ.

Самъ но помнить, по какимъ улицамъ ходилъ или бѣгалъ.

Очнувшись, пошелъ на Николаевскій вокзалъ, сѣлъ въ первый отходившій пассажирскій поѣздъ, «забился въ уголь, чтобы кто не узналъ», и уѣхалъ въ Москву.

Эта исторія его тогда убила. Она сильно подорвала и безѣ того слабое здоровье больного.

А публика, совершивши судъ Линча надѣ писателемъ, была какъ нельзя болѣе довольна собой.

— Дарма, что знаменитость, а справедливость оказали!

И та же публика рукоплескала той же «Чайкѣ» черезъ нѣсколько лѣтъ.

Можно-ли уважать такую публику?

Вообще, публикѣ не удавалось никогда «раскусить» ни одной чеховской пьесы сразу.

Кромѣ водевилей, ни одна изѣ чеховскихъ пьесъ сразу успѣха не имѣла.

Пока не явился московскій Художественный театръ.

Но и московскій Художественный театръ, въ концѣ-концовъ, отбилъ у Чехова охоту къ сценѣ.

Онъ съ горечью говорилъ о постановкѣ «Вишневаго сада».

— Что это за постановка! Что за декорации! Пермская губернія какая-то, а не Харьковская!

Ему замѣчали:

— Пьеса такъ тонко, такъ изяшно написана,—знаете, эти разговоры лакея по-французски, это пѣніе зачѣмъ-то шансонетки—это немножко грубовато. Это, простите, шаржъ.

Чеховъ возражалъ чуть не съ ужасомъ, но ужъ со страданіемъ, во всякомъ случаѣ:

— Да я ничего этого ни писалъ! Это не я! Это они отъ себя придумали! Это ужасно: актеры говорятъ, дѣлаютъ, что имъ въ голову придетъ, а авторъ отвѣчай!

Онъ припоминалъ по этому поводу:

— Въ провинціи пошелъ разѣ своего «Медвѣдя» смотрѣть,—хоть бы слово одно, хоть бы одно слово актеръ сказалъ изѣ того, что я написалъ! Самъ своей пьесы не узналъ! Ему-то ничего,—публика думаетъ: «Какой, однако, этотъ авторъ дуракъ! Какой ерунды нагородилъ!» Пріятно?

Чеховъ былъ недоволенъ и исполненіемъ «Вишневаго сада». Особенно г. Леонидовымъ:

— Грубо, грубо! Ничего подобнаго я и не воображалъ себѣ, когда писалъ!

Въ результатѣ, Чеховъ рѣшилъ послѣ «Вишневаго сада»... Можетъ-быть, потомъ бы и не вытерпѣлъ, но тогда рѣшилъ:

— Брошу сцену! Начну-ка я опять писать свои рассказы!

Для «воплощенной скромности», какимъ былъ Чеховъ, празднованіе юбилея должно было быть истиннымъ мученіемъ.

Знавшіе, какъ натурѣ Чехова долженъ претить этотъ «парадъ», держали пари:

— Какъ Подколесинъ, сбѣжитъ въ окошко!

Но Чеховъ «принялъ чествованіе».

Почему?

Потому, что пришелъ къ убѣжденію, что это «нужно». Нужно въ общественномъ смыслѣ. Нужно чествованіе русскимъ обществомъ писателя.

Но тотъ, кто присутствовалъ при чествованіи, помнить растерянное и страдальческое лицо, съ которымъ Чеховъ выслушивалъ одно и то же, одно и то же.

Самъ онъ рассказывалъ потомъ о юбилеѣ со своимъ обычнымъ юморомъ:

— Особенно меня смутилъ одинъ какой-то, откуда-то изда- лека пріѣзжій. Рукой машетъ. «Я,—говоритъ,—съ далекой окраины. Я васъ...» А самъ ко мнѣ, а самъ съ рукой. «Ну,—думаю, вдругъ сумасшедшій?! Начнетъ меня бить?»

Юмористъ никогда не покидалъ этого меланхолическаго человѣка.

Л. Н. Толстой очень любилъ Чехова какъ и Чеховъ Толстого.

Левъ Николаевичъ былъ въ восторгѣ отъ рассказовъ Чехова.

— Такъ, часто двумя словами, нарисовать человѣка!

Но не признавалъ его драмъ:

— Это не драматическія произведенія. Чеховъ не драматургъ. Онъ напрасно пишетъ драмы.

Чеховъ очень любилъ Горькаго, какъ и Горькій Чехова.

Чеховъ говорилъ о Горькомъ съ настоящимъ восторгомъ.

Но... не признавалъ въ немъ драматурга.

— Это не драматическія произведенія. Горькій не драматургъ. Онъ напрасно пишетъ драмы.

— А «Па днѣ»?

— Это выдуманно. Ну, гдѣ такіе бароны въ ночлежныхъ домахъ?

— Бываютъ!

— Такъ это исключеніе. Притянута за волосы. Фальшиво. Нѣтъ, Горькій не драматургъ! Ему не надо писать драмъ!

В. Дорошевичъ.

(Русское Сл.)